

На правах рукописи

ПЕТРОВА Мария Андреевна

Типы немодальных значений модальных предикатов
(на материале славянских и германских языков)

Специальность 10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2007

Работа выполнена в секторе прикладного языкознания
Института языкознания РАН

Научный руководитель: доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Надежда Константиновна Рябцева

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Анна Андреевна Зализняк

кандидат филологических наук
Наталья Исаевна Лауфер

Ведущая организация: Московский государственный
лингвистический университет

Защита состоится «15» ноября 2007 г. в 11 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 002.006.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания РАН (125009, г. Москва, К-9, Большой Кисловский пер., 1/12).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания РАН.

Автореферат разослан «11» октября 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

А.В. Сидельцев

Реферируемая диссертация посвящена исследованию типов немодальных значений модальных предикатов (на материале славянских и германских языков).

В лингвистике сложно найти термин, «который охватывал бы более широкий круг разнородных языковых явлений, чем «модальность»»¹, вследствие чего определим сначала, какие значения предлагается относить в настоящем исследовании к числу модальных, а также выделим круг модальных предикатов (МП).

Как известно, изучению понятия модальности посвящены сотни работ отечественных и зарубежных исследователей (назовем хотя бы Е.И. Беляеву, В.Н. Бондаренко, Т.В. Булыгину, В.В. Виноградова, Г.А. Золотову, В.А. Плунгяна, И.Б. Шатуновского, А.Д. Шмелева, С.Н. Цейтлин, Дж. Байби, Ш. Балли, А. Вежбицкую, М. Грелла, Дж. Коатс, Дж. Лайонза, Ф. Палмера, В. Пальюку, Р. Перкинса, Е.Е. Суитсер, А. Тимберлейка, С. Чанг и др.), не меньшее внимание получил и анализ предикатов, относимых к группе модальных. Несмотря на это, среди лингвистов до сих пор нет ни единого мнения о том, какой именно круг языковых явлений составляет категорию модальности, ни более или менее четкого определения класса МП. В различных работах к модальным предлагается относить самые разные типы значений - от логических понятий возможности и необходимости при узком понимании данной категории (некоторые концепции узкого подхода относят к модальным также значение желания) до широкого круга явлений, соотносимых с понятием модуса, включающего такие составляющие как оценку говорящим содержания высказывания в плане реальности/ирреальности, оценку говорящим степени его уверенности в достоверности сообщаемой информации, эмоционально-качественную оценку, противопоставление с точки зрения утверждения/отрицания и, наконец, целевую установку говорящего (коммуникативную функцию высказывания).

Неудивительно, что при подобном многообразии выделение класса предикатов, выражающих модальные значения, также представляет определенные сложности. Однако указанная семантическая неоднозначность - не единственная проблема. Так, если в языках славянской группы под МП понимается довольно широкий класс слов с определенными семантическими значениями, содержащий, помимо глаголов, слова типа русских предикативов

¹ Бергельсон М.Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы. Докт. дисс. М., 2005. С. 332.

должен, нужно и пр., то в германских языках под модальными принято понимать закрытый класс глаголов, выделяемый не столько семантически, сколько на основе специфических грамматических характеристик.

Говоря о немодальных значениях МП, являющихся **объектом** исследования настоящей работы, мы в данном случае исходим из «узкой» концепции понимания модальности, рассматривая в качестве модальных значения возможности, необходимости и желания и относя к МП предикаты с указанными значениями независимо от их грамматических особенностей. Выбор названных языковых групп при этом в значительной мере обусловлен указанными различиями в статусах МП языков рассматриваемых групп.

Характерной чертой выделенного класса слов является **многозначность**: помимо собственно модальных значений данные предикаты способны выражать также некоторые грамматические и лексические значения, не являющиеся модальными (поскольку модальность находится на стыке грамматики и лексикологии, вполне естественно, что немодальные значения указанных предикатов могут принадлежать как целиком к области грамматики, так и к семантической области языка). Круг значений рассматриваемых слов можно, таким образом, разделить на три основные группы: *собственно модальные значения, немодальные грамматические* и *немодальные лексические значения*.

К модальным значениям относятся, соответственно, указанные значения *возможности, необходимости* и *желания*, первые два из которых принято разделять на значения алетического, деонтического и эпистемического типа (под *алетическими значениями* при этом понимаются такие значения, при которых реализация указанной возможности или необходимости связана с объективными потенциями реального мира или с внутренними качествами и свойствами субъекта; под *деонтическими* - возможность и необходимость, осуществление которых обусловлено социальными, юридическими и нравственными нормами или волеизъявлением конкретного лица; под *эпистемическими* - характеристика степени уверенности говорящего в достоверности, истинности сообщаемой информации).

В число значений, относимых в настоящей работе к немодальным грамматическим значениям МП, включены значения будущего времени, эвиденциальности, условности, уступительности, к грамматическому употреблению можно отнести также использование модальных глаголов для образования форм наклонений и некоторые другие случаи. Заметим, что проведение границы между значениями данной группы и собственно модальными значениями носит несколько условный характер, поскольку часть

значений, называемых нами немодальными грамматическими, можно было бы отнести и к модальным при широком понимании категории модальности.

Наибольший интерес представляет третья группа – лексические немодальные значения МП, составляющие основной **предмет** исследования предлагаемой работы, поскольку именно данная группа представляется на настоящий момент наименее изученной.

К подобным значениям можно отнести значения форм совершенного вида (СВ) модальных глаголов поля возможности языков славянской группы (типа русских *смочь/суметь*), которые, по сути, не являются модальными, так как указывают не на наличие/отсутствие некоторой возможности, а на ее реализацию/нереализацию, что сближает их с классом имплицативных глаголов типа *удаться, получиться* в отношении семантики и логических свойств.

Другой пример - ослабление МП их собственно модальной семантики в случаях опущения инфинитива смыслового глагола и присоединения предметных дополнений к предикатам данной группы (как в контекстах типа *я хочу яблоко*). В зависимости от ряда факторов МП могут в подобных случаях как ослаблять модальные смыслы, так и полностью утрачивать их, как происходит, в частности, в случаях, когда модальные глаголы семантического поля возможности выражают некоторые значения семантического поля знания, (см. примеры типа чешск. *umět baseň* - *знать стихотворение* или норвеж. *kunne norsk* – *знать норвежский*).

МП могут подвергаться демодализации и при употреблении в составе некоторых типов косвенных речевых актов (КРА), используя не только для передачи соответствующих модальных смыслов, но и для маркирования определенных отношений между коммуникантами, выражения необходимой степени вежливости и, часто в виде устойчивых формул, регулирования социальной дистанции между собеседниками, определяя степень коммуникативного контроля (КК) говорящего (в качестве примера приведем комиссивные акты-предложения типа *Не хотите кофе?/Я могу вам чем-нибудь помочь?* или директивные акты-просьбы типа *Не могли бы Вы сделать X?*).

Круг немодальных значений МП не ограничивается перечисленными. Так, использование МП в высказываниях типа рус. *Да нужна мне ваша книга!* с модальным *нужен* или нем. *Was soll der Quatsch? – Что все это значит?* с глаголом долженствования *sollen* выходит за рамки названных типов. Подобные употребления, однако, носят скорее окказиональный, лингвоспецифический характер, вследствие чего представляют меньший интерес для данной работы.

В цели и задачи настоящего исследования входит, в первую очередь, описание тех немодальных лексических значений МП, выражение которых носит систематический, регулярный характер в разных языках, прежде всего, в языках славянской и германской групп. То есть, данная работа не претендует на полное описание всех значений МП рассматриваемых языков, фокусируясь на систематических закономерностях и оставляя в стороне лингвоспецифические использования МП в составе устойчивых конструкций типа приведенных выше, которые составляют предмет для отдельного исследования.

Несмотря на многочисленность работ, посвященных модальности и МП, большая их часть сводится либо к классификации модальных значений, либо к описанию грамматической специфики модальных глаголов. Исследования в области грамматикализации предлагают также описание диахронического развития МП и характеризуют некоторые их грамматические значения. Что же касается *определения имплицативных типов модальных глаголов*, изучения *специфики* образованных от них *СВ-форм* по сравнению с коррелятами несовершенного вида (НСВ), рассмотрения различных случаев *опущения инфинитива* смыслового глагола при МП, анализа значений знания, выражаемых модальными глаголами поля возможности, а также *прагматических функций* МП в составе речевых актов (РА), - то комплексного исследования подобного рода явлений до настоящего момента не проводилось, что обуславливает научную новизну предлагаемой работы.

Актуальность изучения данных вопросов определяется возросшим в последние годы интересом к проблемам семантической многозначности, к интерпретации речевого смысла и роли слушающего (= адресата, интерпретатора), к проблемам передачи и получения знаний, а также отсутствием к настоящему моменту полного описания имплицативных свойств МП поля возможности. Заметим, что вопросы интерпретации смысла, логического вывода и передачи знаний занимают исследователей уже многие годы, однако современное развитие технологий и разработки в области искусственного интеллекта заставляют по-новому взглянуть на данные проблемы, что обуславливает необходимость восполнения существующих лакун в указанных областях.

Так, имплицативные свойства модальных глаголов поля возможности в общих чертах рассматривались в работах, посвященных имплицативным свойствам предикатов с пропозициональными актантами вообще и особому классу имплицативных глаголов (см., например, работы Л. Карттунена, Анны А. Зализняк или Е.Э. Разлоговой), однако, поскольку МП не являлись главным

предметом внимания данных исследователей, ни в одной из таких работ существующая специфика не получила полного рассмотрения. Интересно отметить, что вследствие разных подходов к определению понятия истинности зависимой предикации в разных работах делаются разные выводы относительно принадлежности модальных глаголов к тому или иному имплицативному типу. Так, в классификации Е.Э. Разлоговой, к примеру, глагол *мочь* предлагается относить к типу «Неопределенность - Ложь», в то время как Анна А. Зализняк включает его в группу «Ложь - Ложь» (о том, что понимается под этими типами, см. далее в главе II). Между тем, подобные глаголы нельзя отнести ни к одному из основных логических классов, поскольку, *в зависимости от видо-временной формы модального глагола и вида зависимого инфинитива, глаголы поля возможности могут существенно менять свои имплицативные свойства.*

Не раз отмечалась и специфика функционирования МП в составе некоторых типов РА. Известные примеры типа *Не могли бы Вы передать мне соль?* обсуждаются в работах многих авторов (назовем, в частности, О. Есперсена, Дж. Р. Серля, Д. Гордона, Дж. Лакоффа, Ф. Кифера, Р. Конрада, Е.И. Беляеву, Т.В. Булыгину, А.Д. Шмелева и др.) и являются каноническими иллюстрациями КРА. Подобными высказываниями, однако, акторечевое использование МП не ограничивается. Кроме того, большинство работ сфокусировано прежде всего на описании специфики предложений указанного типа в отношении их отличий от собственно вопросов аналогичного вида и от не-косвенных директивов, ничего не говоря о таких функциях МП, входящих в состав анализируемых высказываний, как *маркирование отношения говорящего к адресату или предмету речи, указание на социальную дистанцию между коммуникантами (соотношение статусов коммуникантов), определение степени ответственности говорящего за речевое действие (или, иначе, степени КК говорящего) и реализация стратегий вежливости говорящим.*

Наконец, в работах, рассматривающих домодальные и постмодальные значения МП, приводятся также некоторые примеры использования данных предикатов без инфинитива смыслового глагола. Существующие исследования, однако, не объясняют, почему использование модальных глаголов типа норвеж. *kunne* и его аналогов в ряде других германских языков возможно в контекстах типа *знать иностранный язык/знать песню наизусть*, но не является возможным в таких примерах как *знать Петю/знать Москву*. Нигде также не определяется место подобного рода случаев среди других контекстов опущения инфинитива.

Основные результаты, полученные в ходе исследования указанной проблематики, можно сформулировать следующим образом:

- СВ-формы глаголов семантического поля возможности существенно отличаются от своих НСВ-коррелятов *мочь/уметь* как в плане компонентной структуры, так и в плане логических свойств: СВ-формы *смочь/суметь* сближаются в этом отношении с классом имплицативных предикатов, теряя модальный смысл, и дают истинные импликации в утвердительных предложениях и ложные – в отрицательных, в то время как имплицативные свойства НСВ-форм варьируются в зависимости от вида инфинитива подчиненного глагола и могут определяться по-разному в соответствии с тем, рассматриваются ли данные глаголы с точки зрения актуальных импликаций или потенциальных;
- в случаях опущения инфинитива при МП и присоединения ими предметных дополнений МП могут как ослаблять, так и полностью утрачивать модальный смысл; иллюстрацией последнего является использование модальных глаголов поля возможности типа швед. *kunna* или нем. *können* для выражения значения знания-компетенции, являющееся следствием диахронического развития соответствующих МП, восходящих к лексемам с изначальной семантикой знания (что позволяет относить данный тип значений к *домодальным* значениям МП); существование обратной корреляции, заключающейся в способности ряда глаголов поля знания выражать также значение внутренней приобретенной возможности и, реже, внутренней возможности вообще, свидетельствует о семантической близости значений умения и знания-компетенции;
- в некоторых типах КРА МП склонны ослаблять собственно модальную семантику и функционировать для передачи иных смыслов: так происходит, прежде всего, в директивных КРА и близких к ним комиссивных КРА-предложениях, где МП реализуют различные стратегии дистанционной вежливости и маркируют социальную дистанцию между коммуникантами, определяя степень КК говорящего, которая в значительной мере влияет на выбор той или иной языковой формы.

Дифференциация между МП славянских и германских языков, таким образом, не ограничивается отмеченными выше различиями в статусах МП в данных языковых группах и проявляется также в немодальных значениях МП. Для МП германской группы характерным является выражение ряда грамматических значений, что для МП славянских языков менее типично; особенностью же ряда модальных глаголов языков славянской группы является образование форм СВ, не имеющих аналогов среди модальных операторов германских языков. В то же время, некоторые значения можно считать общими для МП обеих групп: и

славянские, и германские МП склонны ослаблять или утрачивать собственно модальные значения при опущении инфинитива смыслового глагола, а также при функционировании в составе некоторых типов КРА.

Основным **материалом** для диссертации послужили примеры из текстов художественной, документальной и научно-популярной литературы (в том числе и из корпусов текстов: Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и British National Corpus (BNC)), часть приводимых примеров заимствована также из словарей рассматриваемых языков и лингвистической литературы. В некоторых случаях использовались переводы специально сконструированных примеров, полученные в результате анкетирования носителей соответствующих языков (особенно это касается болгарского и верхне-лужицкого материала)².

Предлагаемое исследование носит синхронный характер, тем не менее, данные о диахроническом развитии рассматриваемых предикатов также привлекаются в тех случаях, где этого требует объяснение того или иного лингвистического явления.

В ходе работы были использованы такие **методы** как контекстуальный, компонентный и сопоставительный анализ, анкетирование информантов и логическая интерпретация.

Говоря о **практической ценности** результатов данной работы, нельзя не отметить, что контексты с МП, выражающими немодальные значения, весьма частотны и нередко вызывают трудности при переводе. Полученные результаты, таким образом, могут быть использованы при *преподавании* рассматриваемых языков и в *переводческой практике*.

В рамках проведенного исследования были затронуты также такие области как логика смысла и теория знания. Научные результаты, достигнутые при исследовании указанных областей, могут быть использованы как для разработок в области *искусственного интеллекта*, так и при решении задач *моделирования процесса порождения и понимания текстов* на естественных языках.

Теоретическое значение результатов предлагаемой работы состоит, прежде всего, в *системном описании группы немодальных лексических значений МП*. Предлагаемый в настоящей работе анализ многозначности МП и описание некоторых видов их семантической деривации вносит, кроме того, существенный вклад в изучение *феномена многозначности*, исследование которого занимает одно из центральных мест в когнитивной лингвистике, а

² Автор данной работы выражает глубокую благодарность И. Держанскому за помощь в работе с болгарским языком, А. Мельник – за помощь в работе с верхне-лужицким, Е. Горелик – за консультации по польскому языку, Д. Кузнецову – за консультации по украинскому языку, Е. Алексеевой – за консультации в области нидерландского языка. Возможные недочеты при этом, разумеется, полностью остаются на совести автора настоящего исследования.

также в семантических работах последних лет (см., в частности, работы Г.И. Кустовой 2004 г. и Анны А. Зализняк 2006 г.). Заметим, что класс МП представляет в этой связи особый интерес вследствие пограничного положения модальных значений между областями грамматики и семантики. Исследование функционирования МП в составе КРА имеет также немаловажное значение для развития теории коммуникации.

Апробация результатов диссертации проводилась на международных и российских конференциях: XVII International Congress of Linguistics, Prague, 2003; Международная конференция «Диалог» 2003; 2005; 2007; Международная конференция молодых филологов, Тарту, 2003; «Проблемы и методы современной лингвистики», Москва, ИЯ РАН, 2003; Международная конференция молодых филологов, Рига, 2004; Международная конференция молодых филологов, Таллинн, 2004; 2005; результаты диссертации отражены также в десяти публикациях.

Структура диссертационной работы определяется ходом проводимого исследования. Данная работа состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии.

Во введении определяются объект и предмет исследования, формулируются цели и задачи работы, демонстрируются научная новизна и актуальность рассматриваемой проблематики, описывается анализируемый материал, а также показывается научно-практическая значимость полученных результатов.

В первой главе («Понятие модальности и средства выражения модальных значений») предлагается обзор наиболее значимых концепций понимания модальности, обосновывается концепция, принятая в настоящем исследовании, рассматриваются средства выражения выделенного круга модальных значений, определяется место МП среди прочих средств выражения модальности, а также описывается специфика МП славянских и германских языков. В данной главе предлагается также краткий анализ грамматических значений МП.

Вторая глава («Немодальные значения форм СВ глаголов со значением возможности (на материале славянских языков)») посвящена рассмотрению СВ-форм глаголов поля возможности славянских языков (рус. *смочь/суметь*, болг. *смогна/съумея* и под.). Для анализа специфики данных форм, немодальных по своей семантике и более близких по логическим свойствам классу имплицативных глаголов, в данной главе также рассматриваются различные классификации предикатов с сентенциальными актантами и исследуются логические свойства собственно модальных глаголов.

В третьей главе («Немодальные значения модальных предикатов при опущении инфинитива смыслового глагола: выражение глаголами возможности некоторых значений поля знания») рассматриваются случаи, когда МП ослабляют или теряют модальный смысл при опущении инфинитивов смысловых глаголов и присоединении предметных дополнений. В первом разделе данной главы предлагается краткий обзор подобных контекстов, во втором дается подробный анализ одного из выделенных случаев - использования модальных глаголов поля возможности для выражения некоторых значений поля знания, требующий также разработки классификации видов знания.

Предметом рассмотрения четвертой главы («Немодальные значения модальных предикатов в составе косвенных речевых актов») является прагматика МП, а именно - использование данной группы слов в составе КРА, где указанные предикаты склонны ослаблять, а в некоторых случаях почти терять собственно модальные значения, используя для выражения иных смыслов.

В заключении формулируются выводы данной работы и суммируются результаты проведенного исследования.

Основное содержание диссертации

В главе I, посвященной анализу категории модальности, показана сложность и многоплановость данной категории, систематизированы различные подходы к пониманию модальности, проведен анализ средств выражения модальных значений с учетом рассмотренных подходов, а также дана краткая характеристика немодальных грамматических значений МП.

Как известно, изучение модальности имеет давнюю традицию. К изучению модальных значений обращались не только лингвисты: операторы необходимости и возможности занимают одно из центральных мест в формальной логике, классифицируя суждения «по модальности в зависимости от характера отношения между предметом суждения и его признаком, то есть в зависимости от характера отражаемых в содержании суждений объективных связей»³. В лингвистике, в отличие от логики, где указанные понятия задаются формальными отношениями и ограничивают довольно четко определенный круг явлений, понятие модальности используется существенно шире и может обозначать «широкий круг явлений, неоднородных по смысловому объему,

³ Бондаренко В.Н. Виды модальных значений // Филологические науки, 1979. №2. С. 54.

грамматическим свойствам и по степени оформленности на разных уровнях языковой структуры»⁴.

Круг значений, относимых к группе модальных, наиболее полно представлен в [Теории функциональной грамматики 1990], где выделяется шесть типов значений, относимых к модальным в работах тех или иных авторов: оценка говорящим содержания высказывания с точки зрения реальности/ирреальности, оценка обозначаемой в высказывании ситуации как возможной, необходимой или желательной, оценка говорящим степени его уверенности в достоверности сообщаемого, целевая установка говорящего, или, иначе, коммуникативная функция высказывания, значения утверждения/отрицания, а также эмоциональная и качественная оценка содержания высказывания.

В соответствии с тем, включаются ли в число модальных все или только некоторые из перечисленных значений, принято выделять два основных подхода к пониманию модальности: «узкий» и «широкий». Наиболее широким можно считать подход, при котором модальность соотносят с понятием модуса, противопоставляя модус диктуму (ср. также с противопоставлением пропозиции и модальной рамки). Сторонники такого подхода (В.В. Виноградов, Ш. Балли, М. Грелл, Пр. Адамец, Дж. Лайонз и др.) относят к модальным все (или почти все) названные значения, сторонники узкого подхода – только значения, связанные с отношениями между действием и субъектом (называемые объективной, онтологической модальностью), а также с отношением говорящего к содержанию высказывания (т.е. субъективной, или эпистемической, модальностью). При последнем понимании модальные значения классифицируются в большинстве работ по двум основаниям, первое из которых базируется на противопоставлении значений возможности и необходимости, второе – на разделении возможности и необходимости на алетические, деонтические и эпистемические смыслы, описанные выше. В зависимости от целей конкретного исследования, возможна и более подробная классификация в соответствии с тем, являются ли условия реализации действия внешними по отношению к субъекту модальности или внутренними (внешняя и внутренняя модальность); являются ли модальные значения актуальными или узуальными; являются ли действия, называемые зависимыми от МП глаголами, физическими или ментальными, и пр.

В настоящей работе модальность понимается в узком смысле, при этом, вслед за такими авторами как Е.И. Беляева, М.В. Всеволодова, Г.А. Золотова, Дж. Лайонз, М. Грелл, Дж. Байби, В. Пальюка, П. Перкинс, к модальным

⁴ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 303.

предлагается относить не только значения возможности и необходимости, но и значение желания, включаемое в число модальных далеко не всеми сторонниками узкого подхода. На первый взгляд, действительно, желание несколько отличается от значений возможности и необходимости, являющихся логическими операторами и предполагающих разделение на отнологические, деонтические и эпистемические смыслы. Тем не менее, едва ли можно рассматривать желание отдельно от значения внутренней необходимости, представляющей собой, по сути, сильное желание. Интересно отметить, что в ряде языков (например, в русском) предикаты внутренней необходимости и желания имеют некоторые валентности, отсутствующие у МП поля возможности и внешней необходимости (и присоединяют, в частности, прямые дополнения, составляющие с директивно-локативной семантикой, с семантикой источника и модификаторы степени интенсивности: *хотеть/нужно что-то/куда-то/от кого-то; очень нужно/хотеть*), что говорит о семантической близости данных значений. В ряде языков можно проследить также определенные диахронические связи предикатов семантического поля желания и поля необходимости (см., в частности, способность предикатов желания, развивающих значение будущего времени, развивать значение эпистемической необходимости, что иллюстрирует англ. *will*, и некоторые другие примеры⁵).

Круг средств выражения модальных значений довольно широк и, конечно, может определяться по-разному в зависимости от того, какие значения считать модальными. Модальность в широком смысле может реализовываться в высказывании единицами разных уровней языка - просодическими (интонацией), морфологическими (формами наклонений и видовременными формами глаголов), синтаксическими (например, инфинитивными предложениями в русском языке) или лексическими (вводными модальными словами, частицами и МП), при этом для разных типов модальных значений характерны разные способы выражения. Так, МП являются одним из основных средств выражения алетических и деонтических значений и, наряду с модальными вводными словами и частицами, - значений эпистемического плана.

Помимо модальных значений возможности, необходимости и желания исследуемые предикаты могут выражать также некоторые грамматические значения, не являющиеся модальными при узком понимании категории модальности. Способности выражения грамматических значений могут при

⁵ Приводимые, в частности, в работах Bybee, J.L., Revere Perkins and William Pagliuca. *The Evaluation of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago: University of Chicago Press. 1994 и Van der Auwera J., Plungian V.A. *Modality's semantic map // Linguistic typology*, 2. 1998.

этом существенно различаться у МП разных языковых групп. Так, для МП языков славянской группы выражение подобных значений не характерно (правда, в болгарском языке формы будущего времени образуются посредством частицы *ще*, диахронически восходящей к глаголу с семантикой желания *ща*, но к настоящему моменту эта связь практически не осознается), спектр же грамматических значений, выражаемых модальными глаголами германских языков, напротив, весьма широк.

В частности, в ряде германских языков (например, в немецком и нидерландском) модальные глаголы поля необходимости и желания могут использоваться для выражения некоторых эвиденциальных значений. Система эвиденциальности таких германских языков состоит из противопоставления двух значений, первому из которых соответствует характеристика информации как полученной из вторых рук (*reported, hearsay*), второму – маркирование информации как полученной из любых других источников (согласно А. Айхенвальд, именно такая система эвиденциальных значений является наиболее распространенной в языках мира).

Модальные глаголы используются также как формообразовательные при выражении значения будущего времени, при этом данный способ образования временных форм может являться как основным средством выражения соответствующих значений (как происходит, к примеру, в нидерландском или английском), так и вторичным наряду с другими средствами (как в немецком языке). Во втором случае соответствующие формы являются не нейтральными и сохраняют определенную модальную семантику.

Следующий тип грамматических употреблений модальных глаголов – использование для образования форм наклонений, отличных от индикативного: в частности, для образования сослагательных, оптативных или императивных форм (ср., к примеру, употребление нидерландского *zullen* или английского *would* для образования форм сослагательного наклонения).

Наконец, некоторые модальные глаголы германских языков склонны демодализовываться в определенных типах придаточных предложений и выражать иные смыслы. Так происходит, прежде всего, в уступительных, условных и дополнительных придаточных, где модальные глаголы выражают, соответственно, значения *уступки (concession)*, *условия (condition)* или *дополнительности (complementation)*, которые, согласно В.А. Плунгяну и И. ван дер Аувере, являются типологически регулярными постмодальными значениями, диахронически развивающимися из значений эпистемической необходимости или эпистемической возможности.

Функционирование ряда модальных глаголов (к примеру, англ. *should*) в придаточных дополнительных сближается с их использованием в некоторых других контекстах – таких как *I'm surprised that you should think that; Whom should I see but Tom!* Объяснение функций МП в таких примерах, которые следует отличать от употребления данных глаголов в составе КРА, часто вызывает определенные сложности (прежде всего, это относится к придаточным дополнительным, некоторым типам прямых и косвенных вопросов, а также эмоционально-окрашенным высказываниям). Нам кажется разумной точка зрения П. Лунн и Ф. Палмера, согласно которой функцией модальных глаголов в подобных случаях является маркирование зависимой пропозиции как *не являющейся утверждением* (ср. наглядный термин Т. Гивона «*super realis*»), то есть - либо как указывающей на нереализованность называемого действия, либо как составляющей *пресуппозицию* высказывания (как происходит в приведенных примерах): зависимые от *should* пропозиции называют в данном случае уже известную информацию, позволяя при соответствующем порядке слов и интонации вынести собственно утверждение (выражение удивления говорящего или указание на личность увиденного субъекта) в фокус внимания.

Глава II посвящена описанию СВ-форм модальных глаголов поля возможности – таких как рус. *смочь* и *суметь*, укр. *зможти* и *зуміти*, македон. *смогне* и *соумее* и под. Поскольку подобная деривация отсутствует в языках германской группы, предметом рассмотрения данной главы являлись главным образом глаголы славянских языков.

Рассматриваемые СВ-формы появились в славянских языках существенно позже своих НСВ-коррелятов (в частности, в русском языке такие глаголы начинают встречаться в текстах с XVI века) и отличаются от них по логическим свойствам (то есть в отношении импликаций, выводимых из предложений с данными глаголами) и компонентной структуре, функционируя в большинстве контекстов не как модальные и указывая не на *наличие* некоторой возможности, а на *уже осуществленную* возможность (или возможность, осуществление которой в будущем не вызывает сомнений).

Прежде чем говорить о различиях названных форм, определим место каждого из рассматриваемых глаголов в семантическом поле возможности. Так, глаголы типа рус. *мочь*, укр. *можти*, белорус. *магчы*, болг. *мога*, македон. *може*, серб. и хорв. *моћи*, словен. *moči* или чешск. *tosí* являются ядерными предикатами поля возможности и способны выражать все виды значений данного поля. Сфера употребления глаголов типа *уметь* существенно уже – данные глаголы используются только для выражения *внутренней алетической возможности* (то

есть возможности, реализация которой зависит от внутренних качеств и свойств субъекта) *узualmente* характера. СВ-формы *смочь* и *суметь*, напротив, соотносятся, как правило, с *актуальными ситуациями*. Что касается СВ-форм глаголов поля возможности других славянских языков, то их функционирование может выходить за рамки данного семантического поля: в частности, у болг. *смогна*, македон. *смогне* и словен. *zmoči* выделяется значение «справиться с чем-либо», а у болг. *смогна*, кроме того, значение «успеть»: *Не мога да ти смогна* - *Не успеваю за тобой* (дословно *не могу за тобой успеть*).

Употребление рус. *смочь/суметь*, значения которых отделились от НСВ-коррелятов в меньшей степени, тоже имеет свою специфику, связанную, в частности, с наличием в их компонентной структуре семы *сверхнормативного приложения усилий*, сближающей *смочь/суметь* с глаголами типа *удаться*, *получиться* и прочими глаголами с семантикой *возможности, осуществление которой сопряжено с преодолением сверхнормативных препятствий*. Указание на наличие определенных сложностей, возникающих у субъекта при выполнении некоторого действия, свидетельствует о близости рассматриваемых СВ-форм имплицативным предикатам, функцией которых, по замечанию Л. Карттунена, является именно указание на какие-либо условия, выполнение которых является необходимым и достаточным для того, чтобы называемое в зависимой предикации действие имело место. В случае анализируемых СВ-форм условием такого типа является преодоление указанных препятствий, отсутствующих при использовании НСВ-глаголов поля возможности.

Другая особенность *смочь/суметь* заключается в том, что и утвердительные, и отрицательные высказывания, содержащие данные СВ-формы, указывают, что субъект предпринимал попытку совершить называемое в зависимой предикации действие (Р), при этом в случае удачной попытки успешная реализация действия связывается с умениями и мастерством субъекта, в случае неудачи – с отсутствием у субъекта необходимых навыков в должной мере. Таким образом, в пресуппозициях данных глаголов содержится указание на выбор некоторого Р субъектом, отмечавшееся И.Б. Шатуновским, что составляет еще одно принципиальное отличие *смочь* и *суметь* от однокоренных глаголов НСВ, пресуппозиции которых не содержат никакой информации о выборе субъекта.

Особый интерес представляют различия в области логических свойств данных глаголов. При описании подобных свойств в настоящем исследовании используется система из трех истинностных значений, включающая значения «истина» (И), «ложь» (Л), «неопределенность» (Ø – для случаев, когда зависимую предикацию нельзя охарактеризовать с точки зрения истинности).

Классы предикатов, дающих разные импликации, предлагается, вслед за Анной А. Зализняк, рассматривать в терминах разных *импликативных типов* предикатов. Под *импликативным типом* при этом понимается «пара $\langle v(\text{ПП})^+, v(\text{ПП})^- \rangle$, где $v(\text{ПП})^+$ - это истинностное значение подчиненной предикации (ПП) в утвердительном предложении, а $v(\text{ПП})^-$ - истинностное значение ПП в соответствующем отрицательном предложении»⁶.

Важную роль при описании импликативных свойств предикатов играет выбор точки отсчета, относительно которой определяются истинностные значения высказываний, содержащих рассматриваемые глаголы. Так, в указанной работе истинность определяется как «*существование ситуации, описываемой ПП, к моменту, с которым соотносится действие главного глагола*». Сходного понимания придерживается и И.Б. Шатуновский, полагая, что высказывание «некто может сделать Р» имеет импликацию Л, поскольку на момент его произнесения субъект еще не сделал Р. Подобное представление, будучи, безусловно, справедливым, является, однако, не единственно возможным. Так, высказывания типа *Федя может дать нам денег* нередко рассматриваются как имеющие значение \emptyset , поскольку допускают как продолжение типа «может дать нам денег, но не захочет» (то есть не даст), так и продолжение типа «может дать нам денег завтра, так что можно больше ни у кого не просить» (то есть «завтра даст»). Иными словами, из *X может Р* может следовать и *X сделает Р*, и *X не сделает Р* (в отличие от случая с отрицанием: *X не может Р* всегда значит, что не Р, независимо от точки отсчета).

Различие указанных пониманий заключается во взгляде на временную точку, относительно которой подчиненная предикация рассматривается как реализованная или нет. Если в первом случае момент наличия некоторой возможности и момент ее реализации должны совпадать, то при втором понимании такого требования нет: важно лишь, может ли действие, называемое в подчиненной предикации, реализоваться в какой-либо момент времени. Очевидно, в зависимости от выбора той или иной позиции логические свойства одного и того же предложения можно охарактеризовать по-разному, вследствие чего для полноты описания в настоящей работе вводятся понятия *актуальных импликаций* (соотносящихся с конкретным, актуальным моментом времени) и *потенциальных импликаций* (не привязанных к какому-либо конкретному моменту). Об актуальных импликациях целесообразно говорить в случаях, когда речь идет об актуальных значениях, о потенциальных – когда предикат

⁶ Зализняк Анна А. О понятии импликативного типа (для глаголов с пропозициональным актантом) // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988. С. 108-109.

называет некоторое узуальное свойство. Так, глагол *уметь*, называющий узуальные свойства субъекта, логично рассматривать с точки зрения потенциальных импликаций, глаголы *смочь/суметь*, для которых характерно использование в значении актуальной возможности, – с точки зрения актуальных, глагол *мочь* – в отношении импликаций обоих типов.

Соответственно, если рассматривать *мочь* с точки зрения актуальных импликаций, логичнее отнести его к имплицативному типу Л – Л, поскольку, согласно И.Б. Шатуновскому, возможное может оставаться возможным только до того момента, пока не станет действительным, и в этом смысле возможность и действительность исключают друг друга: говоря в «актуальном» смысле, что «некто может сделать Р», мы при таком понимании считаем, что на момент произнесения данного высказывания субъект еще не сделал Р, в результате чего рассматриваемое высказывание будет иметь ложную импликацию. Если же анализировать *мочь* в плане потенциальных импликаций, аналогичное высказывание не дает никаких импликаций, поскольку из фразы «некто может сделать Р» может следовать как то, что некто сделает Р, так и то, что не сделает.

С учетом сказанного, имплицативные свойства рассматриваемых глаголов можно определить следующим образом. *Мочь*, в зависимости от вида зависимого инфинитива и типа импликаций, может функционировать либо как глагол имплицативного типа Ø – Л, либо как глагол имплицативного типа Л – Л. Имплицативные типы *уметь*, характеризуемого только в отношении потенциальных импликаций, варьируются в зависимости от значения, выражаемого данным глаголом: так, в настоящей работе предлагается выделять *уметь*₁, выражающий значение умения-способности (то есть называющий способность субъекта в принципе осуществлять указанное действие - не важно, хорошо или плохо, как в примерах типа *уметь плавать*), и *уметь*₂, выражающий значение умения-таланта (то есть называющий способность субъекта хорошо делать что-либо, к примеру – *уметь петь*). *Уметь*₁ следует отнести к имплицативному типу Ø – Л, *уметь*₂ - к типу Ø – Ø.

Глагол *смочь*, функционирующий в большинстве контекстов как имплицативный глагол И – Л, может в некоторых случаях терять свойство имплицативности и использоваться как видовая пара *мочь*, являясь, таким образом, модальным глаголом типа Ø – Л и указывая не на реализованность/нереализованность той или иной возможности, а на ее наличие/отсутствие. Это касается, в частности, тех контекстов, где *смочь* используется в форме не-прошедшего времени и сочетается с инфинитивами НСВ (интересно отметить, что в большинстве подобных примеров речь идет не

о внутренней, а о внешней возможности, где *смочь* не имеет презумпции сделанного субъектом выбора). В случае использования *суметь* снятия презумпции выбора, как кажется, не происходит, вследствие чего данный глагол является имплицативным во всех контекстах.

В **главе III** предлагается краткий обзор случаев, когда МП ослабляют или теряют модальный смысл при опущении инфинитивов смысловых глаголов и присоединении предметных дополнений. В связи с рассмотрением данной проблематики важно учитывать, что, во-первых, в разных контекстах степень демодализации МП может различаться (ср., для примера, *Jeg må til byen* – Мне надо в город с норвеж. глаголом поля долженствования *måtte*, практически не ослабляющим свое модальное значение, и *umět baseň* – знать стихотворение с чеш. глаголом поля возможности *umět*, использующимся для передачи значения знания и полностью теряющим смысл «уметь»); во-вторых, - время возникновения у МП тех или иных немодальных значений (в соответствии с которым подобные значения можно разделить на домодальные и постмодальные); в-третьих, - тип опускаемого инфинитива и его влияние на степень демодализации МП.

В центре внимания настоящей работы находится один из подобных случаев, а именно – контексты, где модальные глаголы со значением объективной возможности используются для выражения определенных значений поля знания. Речь идет о примерах типа приводимого выше чеш. *umět baseň* – знать стихотворение или нем. *können Deutsch* – знать немецкий, где в качестве *знать* используются, соответственно, глаголы поля алетической возможности *umět* ‘уметь’ и *können* ‘мочь’. Характерно, что существует и обратная корреляция, заключающаяся в способности некоторых глаголов поля знания выражать ряд значений поля объективной возможности (типа словен. *Zna plavati* - Он умеет плавать, где значение умения передается посредством глагола *znati* ‘знать’), причем подобная многозначность является закономерной и диахронически обусловленной для предикатов обеих групп, в связи с чем в настоящей работе предложен комплексный анализ как предикатов поля возможности, так и предикатов поля знания.

Заметим, что подобной многозначностью обладают далеко не все глаголы со значением знания и возможности славянских и германских языков: ср. англ. **He can English* или совр. рус. **Он умеет песню*. Кроме того, предикаты возможности способны выражать далеко не все типы знания и употребляются в довольно ограниченном по сравнению с ядерными предикатами знания числе контекстов (употребление чеш. *umět* в значении «знать» довольно частотно,

например, в примерах типа *umět česky, baseň* – *знать чешский язык, стихотворение*, но невозможно в случаях, когда объектом знания является человек, город или слово), а предикаты знания могут выражать ограниченное количество значений модального поля возможности (если употребление в примерах типа *Hij weet goed te leven* – *Он умеет хорошо жить* является для нидерл. глагола знания *weten* вполне регулярным, то его использование в предложении типа *Вы можете доехать туда на этом автобусе* не является возможным), вследствие чего необходимым представляется также рассмотрение каждого из указанных полей – поля объективной возможности и поля знания.

Так, в поле объективной возможности для указанных целей важно выделить значения внешней и внутренней, приобретенной и неприобретенной, а также физической и ментальной возможностей.

Описание поля знания требует большей детализации, поскольку существующие классификации не содержат достаточно подробного описания значений, релевантных для целей настоящего исследования, и, как следствие, не позволяют четко описать область пересечения интересующих нас семантических полей. В данной работе были рассмотрены классификации знания О. Йокоямы и Ю.Д. Апресяна, на основе которых составлена более общая классификация, важнейшей составляющей которой является разработанное в настоящем исследовании описание значений не-пропозиционального знания.

Прежде чем привести данную классификацию, введем еще два важных понятия: «*области знания*» и «*содержания знания*», описанных А.Д. Шмелевым⁷, различие между которыми А.Д. Шмелев демонстрирует на примере знания языка. Так, в предложении *Я знаю испанский язык* подразумевается, что «говорящий по меньшей мере понимает и способен объясниться по-испански» (в данном случае испанский язык является областью знания, в то время как содержанием знания являются, главным образом, словарь и грамматика испанского языка). Возможен и другой контекст, приводимый Шмелевым: «*Какие романские языки ты знаешь? – Французский, испанский, итальянский, румынский...*» – в этом случае испанский язык является собственно содержанием знания, а областью знания – романские языки. Данные понятия имеют принципиальное значение и при описании видов не-пропозиционального знания.

Итак, выделим в предлагаемой классификации следующие группы знаний:

⁷ Шмелев А.Д. «Хоть знаю, да не верю» // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 167.

- *метаинформационные знания* по О. Йокояме (знания, необходимые для получения и передачи других знаний), не рассматривавшиеся подробно в настоящей работе,
- *пропозициональное знание* (знать, что *P* – которое, как показывает классификация О. Йокоямы, подлежит дальнейшему разделению на значения),
- *знание-знакомство*, объект которого представляет собой *содержание знания* и обязательно является референтным (знать *Васю/Москву/эту книгу*),
- *знание-компетенция*, объект которого можно рассматривать как *область знания* (объект знания при этом может быть как конкретно-референтным, так и нереферентным, однако если в случае знания-знакомства в качестве объекта знания может выступать любой референтный денотат, то в случае знания-компетенции объект знания должен представлять собой некоторую область познания или функционировать как подобная область: *знать физику*),
- *знание-умение* – знание как навык, способность субъекта осуществлять какие-либо действия (которое, вообще говоря, логичнее рассматривать в рамках поля алетической возможности и относить к значению умения: словен. *zna plavati*).

Проведенный в данном исследовании анализ показал, что в языках славянской и германской групп модальные глаголы поля возможности могут использоваться для выражения знания-компетенции и не могут – для выражения значений пропозиционального знания и знания-знакомства. Глаголы знания, в свою очередь, могут передавать значение внутренней приобретенной возможности (как физической, так и ментальной) – умения и, реже, внутренней возможности вообще.

Отметим также, что в отношении семантического поля возможности языки славянской и германской групп содержат некоторые различия: так, в славянских языках есть специальный класс глаголов со значением умения (рус. *уметь*, польск. *umieć*, чеш. *umět* и пр.), в языках же германской группы подобные предикаты отсутствуют: данный смысл выражается либо глаголами с общим значением возможности (типа англ. *can* или нем. *können*), либо глаголами поля знания. Указанное различие имеет важное значение для обсуждаемой проблематики: так, если для языков славянской группы выражение знания-компетенции возможно, как правило, посредством указанного класса глаголов с семантикой умения, то в германских языках для выражения знания-компетенции используются глаголы с общим значением возможности – такие как нем. *können* или дат. *kunne*. Данное различие имеет диахроническое объяснение и связано, вероятно, с тем, что ядерные глаголы поля возможности славянских и германских языков имеют разное происхождение. Глаголы языков

германской группы (нем. *können*, дат. *kunne*, швед. *kunna* и под.) восходят к праиндоевропейскому *gʷen[o]-/*gʷnō- и являются родственными с глаголами знания типа русского *знать*, чешск. *znat*, словенск. *znati*, нем. *kennen*, дат. *kende* и пр. (значение знания, таким образом, является для глаголов данной группы домодальным). Славянские же модальные глаголы с общим значением возможности, диахронически развившиеся из праиндоевропейского *mēgh-, являются родственными словам со значением «мощь, сила», вследствие чего непосредственной связи с семантикой знания не имеют. Глаголы типа *уметь*, напротив, восходят к корням с семантикой *ума*, что сближает их с ментальными предикатами знания.

Наличие общих глаголов для выражения значения умения и знания-компетенции свидетельствует о семантической близости данных смыслов: так, умение предполагает наличие у субъекта соответствующих знаний, а знание-компетенция – наличие навыков, умения определенного рода.

Предметом рассмотрения **главы IV** являлось функционирование МП в составе некоторых типов РА, прежде всего – в составе КРА, где МП склонны ослаблять, а в некоторых случаях почти терять собственно модальные значения. Прототипическим примером таких КРА являются акты-просьбы типа *Не могли бы Вы сделать X?*, но подобного рода контекстов намного больше: *Не могу ли я Вам помочь?/Не нужна ли Вам помощь?/Не хотите кофе?/Я хотел бы предложить Вам...и др.*, где МП используются не столько для выражения модальных смыслов, сколько для маркирования социальной дистанции между коммуникантами, указания на отношение говорящего к адресату или предмету речи, определения степени КК говорящего (по М.Б. Бергельсон) и реализации определенных стратегий вежливости говорящим. В этих случаях можно говорить не столько об утрате МП их собственно модальных значений, сколько о приобретении ими новых, дополнительных немодальных смыслов, которые как бы затеяют собой их изначальную модальную семантику, выдвигаясь в соответствующих контекстах на первый план и составляя главный фокус высказывания.

Важно отметить, что немодальное использование МП в составе КРА и в прямых РА имеет принципиально разную природу. Если использование МП в составе КРА носит скорее универсальный характер и включает значения, относящиеся к прагматической сфере функционирования МП, то их немодальное использование в прямых РА в значительной степени привязано к конкретному языку и носит скорее грамматический характер, что сближает подобные употребления с грамматическим использованием МП, рассмотренным

в первой главе, в силу чего наибольший интерес для нас представляют именно высказывания первого типа.

В наши цели входило, во-первых, определение круга КРА, для которых немодальное функционирование МП наиболее характерно, во-вторых, - анализ основных функций МП в подобных контекстах и объяснение соответствующих прагматических употреблений, в-третьих, - рассмотрение некоторых лингвоспецифических особенностей функционирования МП в составе КРА выделенных типов.

При определении круга интересующих нас КРА во внимание принимались такие характеристики высказываний как: утвердительность/вопросительность высказывания; изначальная модальная семантика МП, входящего в состав высказывания; предполагаемый субъект действия, называемого в рассматриваемом РА (в соответствии с которым высказывания делились на такие, где предполагаемым субъектом действия является говорящий, и такие, где потенциальным субъектом действия является адресат); субъект модальности (сообразно с которым высказывания можно разделить на такие, где субъект модальности - говорящий, и такие, где субъект модальности - адресат).

В зависимости от данных факторов высказывания ранжируются в соответствии со степенью демодализации МП и выражаемыми ими немодальными функциями, исследование которых составляет основную цель при рассмотрении подобных случаев. Как показал проведенный анализ, центральное место среди подобных КРА занимают директивные КРА с иллокутивной силой побуждения (просьбы, приказы, советы и под.), а также комиссивные КРА-предложения.

К *КРА-побуждениям* можно отнести такие типы высказываний как: вопросы говорящего относительно возможностей адресата (*Не могли бы вы сделать X?*); утвердительные по форме предложения, представляющие собой утверждения говорящего о своих желаниях или потребностях относительно действий адресата (*Я хочу/мне нужно X/ чтобы вы сделали X*); утверждения говорящего относительно возможностей адресата (*Вы могли бы сделать X*); утверждения говорящего о том, что должен сделать адресат (*Вы должны сделать X*); вопросы говорящего относительно того, что является обязательным, необходимым для адресата (*Не должны ли вы сделать X?*).

Среди *КРА-предложений* можно назвать: вопросы говорящего о желаниях адресата, касающихся действий адресата (*Не хотите ли (сделать) X?*); вопросы говорящего о желаниях адресата, касающихся действий говорящего (*Хотите/не хотите, чтобы я сделал X?*); вопросы говорящего о потребностях адресата

касательно действий говорящего (*Не нужно ли вам, чтобы я сделал X?*); утверждения говорящего о своем желании сделать нечто (*Я хотел бы сделать X*); утверждения говорящего о своей возможности сделать нечто (*Я мог бы сделать X*); вопросы говорящего о своих возможностях сделать X, допускающие как деонтическое прочтение *мочь*, если речь идет о вопросе адресату, не возражает ли он, чтобы говорящий сделал X, так и алетическое прочтение, если подразумевается вопрос адресату о том, оценивает ли он возможности говорящего как подходящие для того, чтобы говорящий сделал X (*Могу ли/не могу ли я сделать X?*). Чем более сложным является обсуждаемое действие, тем более высока вероятность понимания второго типа.

Как видно из сказанного, к интересующим нас высказываниям относятся как конвенционализованные речевые акты, так и высказывания, косвенное понимание которых возникает только при определенном ситуативном контексте. Наибольшая степень конвенционализации при этом предполагает и наибольшую степень демодализации, наименьшая степень конвенционализации – наименьшую степень демодализации.

Основную функцию МП в таких контекстах в общих чертах можно определить как маркирование *дистанционной (негативной) вежливости*, подчеркивающей уважение говорящего к личной «территории» адресата. Данный тип вежливости, противопоставленный солидарной или, иначе, позитивной вежливости, базируется на иерархических отношениях и призван маркировать наличие определенной дистанции между собеседниками, подчеркивать независимость личности и готовность говорящего считаться с неприкосновенностью личного пространства собеседника и не нарушать границ его «территории» (термин Э. Гоффмана). Дистанционная вежливость нередко выражается в речи посредством использования стандартных, конвенциональных формул (позволяющих говорящему не задеть чувства адресата), к числу которых относятся и многие из выделенных типов КРА с МП. В этой связи легко объяснить, почему косвенное использование предикатов рассматриваемой группы наиболее характерно для директивных КРА и близких к ним комиссивных КРА-предложений: именно при таких РА степень «угрозы» личному пространству адресата может быть близка к максимальной.

Несмотря на относительную универсальность (или, по меньшей мере, широкую распространенность) немодального функционирования МП в составе КРА, подобное использование данных предикатов не лишено также конкретно-языковой специфики, связанной как с конвенционализированностью косвенного употребления соответствующих форм (ср. использование форм третьего лица в

функции второго для выражения вежливой просьбы в польском), так и с социокультурными особенностями экстралингвистического характера, обусловленными разными представлениями о вежливости в разных культурах (ср., в частности, отмеченные А. Вежбицкой⁸ различия в оформлении английских и польских КРА-предложений в ситуации угощения гостя, первые из которых направлены на то, чтобы ничего не навязывать адресату, уважая его желания, вторые, напротив, предполагают «максимально настойчивое предложение», которого требуют законы польского гостеприимства). В настоящей работе были отмечены некоторые общие закономерности конкретно-языкового использования МП в подобных контекстах для языков славянской и германской групп, тем не менее, данная проблематика, безусловно, требует более подробного изучения.

В **заклучении** суммируются полученные результаты и определяются перспективы дальнейшего исследования, среди которых можно выделить следующие направления. Поскольку некоторые из выделенных типов немодальных значений МП характерны не только для предикатов рассматривавшихся в настоящей работе языковых групп, но и для МП ряда других языков - как близкородственным языкам славянской и германской групп, так и языков других семей, несомненный интерес представляет проведение анализа немодальных значений МП на более обширном языковом материале, что позволило бы типологически осветить данную проблематику и способствовало бы как установлению путей диахронического развития МП, так и более глубокому пониманию категории модальности. Настоящее исследование интересно было бы распространить также на типы немодальных значений МП, не получивших подробного рассмотрения в данной работе: это касается, главным образом, таких значений, которые не являются регулярными для языков рассмотренных групп. Изучение подобных случаев имеет важное значение для комплексного анализа МП как поля, единицам которого свойственны определенные семантические сдвиги, приводящие к развитию новых значений. Наконец, в настоящей работе не предполагалось подробного рассмотрения всех лингвоспецифических особенностей функционирования МП в выделенных значениях, в силу чего мы в ряде случаев ограничивались указанием на общие закономерности и тенденции анализируемых явлений. Между тем, исследование специфики каждого из рассмотренных языков в отношении затронутой проблематики также представляет безусловный интерес.

⁸ Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Berlin; N.Y., 1991. P. 27-30.

Результаты диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Petrova M. Some of the Secondary Meanings of the Russian, English and German Modal Verbs // XVII International Congress of Linguists 2003. Prague, Czech Republic. Abstracts. P. 285.
2. Петрова М.А. О соответствиях при переводах модальных глаголов (на материале русского, английского и немецкого языков) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог'2003» (Протвино, 11 - 16 июня 2003 г.) / Под ред. И.М. Кобозевой, Н.И. Лауфер, В.П. Селегея. М.: Наука, 2003. С. 545 – 553.
3. Петрова М.А. К типологии модальности (на материале русского, английского и немецкого языков) // Русская филология, 14. Тарту, 2003. С. 246 – 253.
4. Петрова М.А. О некоторых типах имплицитно-модализованных предложений со значением возможности в русском языке // Сборник трудов конференции «Проблемы и методы современной лингвистики». М., 2003. С. 33 – 36.
5. Петрова М.А. К имплицитной модализованности русских предложений // Littera Scripta, 4. Рига, 2004. С. 95 – 100.
6. Петрова М.А. О сопоставлении русских глаголов *мочь* и *смочь* // Studia Slavica, V. Таллинн, 2005. С. 263 – 273.
7. Петрова М.А. Семантическая специфика форм СВ русских глаголов со значением возможности // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог'2005» (Звенигород, 1 - 6 июня 2005 г.) / Под ред. И.М. Кобозевой, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. М.: Наука, 2005. С. 420 – 424.
8. Петрова М.А. К имплицитной модализованности русских предложений со значением возможности // Сборник научных трудов конференции «Проблемы и методы современной лингвистики», выпуск 1. М., 2005. С. 98 – 108.
9. Петрова М.А. «Znati plavati» vs «umět baseň»: общие значения глаголов с семантикой знания и возможности (на материале славянских и германских языков) // Вопросы филологии, № 6. М., 2006. С. 227 – 234.
10. Петрова М.А. О некоторых случаях взаимозаменяемости глаголов с семантикой знания и возможности (на материале славянских и германских языков) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог'2007» (Бекасово, 30 мая - 3 июня 2007 г.) / Под ред. Л.Л. Иомдина, Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. М.: Издательский центр РГГУ, 2007. С. 450 – 454.